

П. Серио

Лозанна, Швейцария

Перевод с французского Е. Е. Аникина

ОКСЮМОРОН ИЛИ НЕДОПОНИМАНИЕ?

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

УНИВЕРСАЛЬНОГО ЕСТЕСТВЕННОГО

СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕТАЯЗЫКА АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ

Аннотация. Перевод на русский язык знаменитой статьи, которую П. Серио опубликовал на французском языке в 2004 г. См.: P. Sériot. *Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka* // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. Ns 57. P. 23–43.

Ключевые слова: Анна Вежбицкая; универсалистский релятивизм; семантический примитивы; семантический метаязык; языковая картина мира.

Сведения об авторе: Серио Патрик, доктор философии, профессор факультета филологии.

Место работы: Университет Лозанны.

Контактная информация: University of Lausanne, Switzerland.

e-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

Сведения о переводе: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Место работы: Институт международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера (Колумбия, США).

Контактная информация: 3019, Hope Avenue, Apt 'B', Columbia, SC, 29205, USA.

e-mail: ewganiik_chel@mail.ru.

OXYMORON OR MISUNDERSTANDING?

UNIVERSALISTIC RELATIVISM

OF THE UNIVERSAL NATURAL SEMANTIC

METALANGUAGE OF ANNA WIERZBICKA

Abstract. Russian translation of the famous article that P. Sériot originally published in French in 2004. See: P. Sériot. *Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka* // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. Ns 57. P. 23–43.

Key words: Anna Wierzbicka; universalistic relativism; semantic primitives; semantic metalanguage; linguistic image of the world.

About the author: Sériot Patrick, PhD, Professor of the Department of Philology.

Place of employment: University of Lausanne.

About the translator: Anikin Evgeny Evgenyevich, Candidate of Philology, Research Assistant.

Place of employment: Walker Institute of International and Area Studies (Columbia, SC, USA).

Гуманитарные науки, хорошо это или плохо, значительно отличаются от точных. Так, по мнению Томаса Куна, как только новая парадигма приходит на смену старой, старая парадигма более не имеет шанса на существование в рамках «нормальной науки». Известно, например, что гелиоцентрическая модель Коперника заменила геоцентрическую модель Птолемея.

В лингвистике, напротив, ничего подобного не происходит. Новая теория никогда не «фальсифицирует» старую. Скорее уместнее говорить о возникновении различных центров интересов, но не о перевороте во внутреннем устройстве унифицированной науки. Генеративная грамматика Хомского не привела к исчезновению сравнительно-исторической грамматики, обе грамматики могут благополучно сосуществовать на факультете общей лингвистики одного и того же университета. В качестве возможного общего предмета для дискуссий между приверженцами каждой из них можно было бы указать признание достижений каждой, но никак не утверждение окончательной научной истинности одной из них, предполагающее консенсус всего научного сообщества.

Так, можно было бы предположить, что реPERTUAR взглядов на язык, датируемый эпохой

немецкого романтизма, начинает устаревать. Однако ничего подобного не происходит: возрождение неогумбольдианства представляет собой массовое явление, как в Восточной Европе в целом, так и в России в частности.

То, что в XXI веке по-прежнему можно верить в «национальный характер народов», может показаться неправдоподобным. Однако тот факт, что для его изучения чаще всего опираются на универсальную комбинаторику семантических атомов или «Алфавит человеческих мыслей» («Alphabetum Cogitationum humanorum») Лейбница, кажется еще более парадоксальным. То, что подобного рода спекуляции пользуются огромным успехом в Восточной Европе, причем не только у широкой публики, но и в научном дискурсе компетентных и признанных лингвистов, заслуживает особого внимания.

В течение тридцати лет Анна Вежбицкая, лингвист польского происхождения, работающий в Австралии, пытается примирить между собой взгляды Лейбница и Гумбольдта посредством разработки теории «естественного семантического метаязыка», способного описать «мир смыслов» всех языков мира. Абсолютный универсализм на службе у крайнего релятивизма — эта поразительная гипотеза

представляет собой основной объект данной работы при анализе эпистемологических основ, на которые опирается А. Вежбицка, в рамках более общей задачи выявления научных и идеологических посылок восточноевропейского дискурса о языке.

В настоящем специальном выпуске журнала, посвященного проблемам изучения языковых универсалий, главным образом будет представлена теория универсального естественного семантического метаязыка А. Вежбицкой: мы поразмышляем над тем, как конструируется данный интерпретационный инструмент, попытавшись оставить в стороне теоретические допущения.

1. Что может сказать язык: релятивизм

В работе «Понимание культур через посредство ключевых слов (*Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese*)» [Wierzbicka 1997] А. Вежбицка опирается на «возвращенную популярность» идей Гумбольдта и гипотезы Сепира—Уорфа с целью обоснования своей программы исследования «взаимной связи между языком и мышлением» через посредство набора особых слов, ключевых для каждой культуры. При этом последний термин понимается как абсолютный эквивалент «языка». Ее исследовательская концепция строится на следующих принципах. (Речь идет о *принципах* согласно определениям, представленным ранее, а не о гипотезах, которые должны быть доказаны в процессе исследования.)

Каждый язык отражает черты экстралингвистической реальности, «считающиеся релевантными» представителями культуры, использующими данный язык. Осваивая язык и в особенности смысл слов, носитель языка начинает «видеть мир» под углом зрения, навязываемым ему родным языком — таким образом, он приобретает особый способ концептуализации мира, характерный для данной культуры. Слова, которые содержат «лингвистически специфические концепты», сразу и отражают, и создают способ мышления носителя языка. В качестве примера для русского языка приводится гастрономическая лексика — щи (суп из капусты) и кефир, — а также совокупность привычек, социальных институтов и систем отдельных ценностей, характерных для культуры, использующей «соответствующий язык». «Лингвистически специфические слова», таким образом, представляют собой те «бесценные ключи» (*priceless clues*), которые позволяют интерпретировать и понимать ценности и идеалы «людей» (*people*), их способ восприятия мира и своей жизни в этом мире. Так, А. Вежбицка утверждает, что три особых лингвистических понятия сами по себе дают ключ к «русской языковой картине мира». Данными понятиями, по ее мнению, являются понятия «душа», «тоска» (особый тип меланхолический ностальгии), «судьба» [Wierzbicka 1990].

Несколько ранее в работе *Прагматика культурного взаимодействия* (*Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*) [Wierzbicka 1991] А. Вежбицка изложила свою концепцию нереферентной семантики. Открыто не соглашаясь с разделением синтаксиса, семантики и прагматики у Ч. Морриса, она утверждает, что значение элементов естественного языка не может быть выведено из отношения между знаками и миром: «**Природа естественного языка такова, что он не отделяет экстралингвистической реальности от психологического и социального мира носителей языка**» [Вежбицка 1991: 16]^[1]. Значение для нее:

1) «антропоцентрично», т. е. отражает общие приоритеты человеческой природы, предназначено для человека. Вся лингвистическая категоризация объектов и событий мира ориентирована на человека — эта черта является общей для всех языков;

2) «этноцентрично», т. е. ориентировано на определенную этническую группу, и каждый язык имеет свою национальную специфику.

Таким образом, по мнению А. Вежбицкой, естественный язык не может описать «мир таким, какой он есть»: каждый язык *навязывает* определенную картину мира.

Наконец, в семантике определенного языка можно различить только те части, которые заданы структурой этого языка. Так, например, семантика «таких абстрактных понятий, как обещание или приказ, стыд или отвращение», предопределена тем языком, на котором выражены данные понятия; она определена «интересами и позициями говорящих», которые, в свою очередь, также заданы языком, на котором говорят собеседники [Wierzbicka 1998: 2.].

А. Вежбицка игнорирует границы между разделами лингвистики, которые, по-видимому, представляются ей ложными и искусственными. Она утверждает, что «не может существовать границы между “денотативным значением” и “прагматическим значением”, как и не может существовать границы между ними и грамматикой. Разница между активными и пассивными предложениями, между субъектом и объектом, между прямым и косвенным дополнением (местоимением, его замещающим) и т. д. является главным образом прагматической, то есть в значительной степени обусловленной интересами и позицией собеседников» [Там же].

Наконец, подлинная структура языка поддерживает тесную связь с другим измерением — психологическим: «национальный характер» носителей языка может быть выведен из языка, и, в свою очередь, различия в концептуализации мира между языками могут быть объяснены различиями в национальных характеристах. Более того, не только мысли могут стать мыслями лишь в рамках определенного языка, но еще и эмоции могут быть испытаны и прочувствованы лишь при условии возможности их выражения в языке, в «особым языковом сознании».

2. То, что говорит речь: универсальный ключ

Изложенная в работах А. Вежбицкой культурологическая концепция была бы удивительно похожа на неогумбольдтианство, если бы она не добавила совершенно новый и отличительный элемент. В самом деле, если в гипотезе Сепира—Уорфа лингвистические системы картин мира являются несовместимыми и несопоставимыми между собой, то для А. Вежбицкой, напротив, «культурно специфические понятия» хорошо *сопоставимы*, потому что их можно перевести на универсальный язык, который преодолевает эти различия, т. е. на язык *семантических примитивов*, или *естественный семантический метаязык*.

В работе *Семантические Примитивы* (Semantic Primitives, 1972), опираясь на то, что для Витгенштейна «...Философия — это не доктрина, а вид деятельности. Философский труд главным образом состоит в разъяснении» [Wittgenstein 1921, афоризм 4.112; французский перевод — 1972: 82], она излагает свой главный исследовательский принцип: «Семантика представляет собой вид деятельности, который заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний» [Wierzbicka 1972, Введение].

Взамен тому, что она называет «традиционной семантикой», А. Вежбицка предлагает концепцию «современной» семантики, цель которой состоит в моделировании и представлении значений в виде «эксплицитных формул». Она не останавливается на этом и идет дальше логических представлений, настаивая на том, что единственной приемлемой моделью является модель представления значений, которая в то же время является и их *толкованием*. Для достижения данных целей А. Вежбицка предлагает создать *семантический метаязык*, который — для того чтобы быть «объясняющим» — должен быть «настолько ясным и понятным», что для него самого не требовалось бы никаких разъяснений. По этой причине она отвергает любые формулы символической логики, любые матрицы дифференциальных признаков, поскольку они не могут служить в качестве *объяснений*. Таким образом, универсальный язык, по мнению Вежбицкой, мог бы одновременно служить и в качестве метаязыка, и в качестве части естественного языка.

А. Вежбицка опирается на логическую ошибку: «Если семантика, описывающая содержание произносимых людьми высказываний, призвана воспроизводить структуру человеческого сознания, она не может использовать аппарат, чуждый этому сознанию. Семантический язык должен делать сложное простым, запутанное — понятным, неясное — очевидным» [Вежбицка 1972, Введение].

Так объясняется ее отказ от идеи *искусственного языка* — парадоксальное следствие реализации ее концепции *универсального семантического языка*. Вот на чем основывается

поразительная оригинальность исследовательской концепции А. Вежбицкой, которую мы собираемся сейчас представить.

Универсальный язык Вежбицкой не находит места в типологии Л. Кутюра и Л. Ло [Couturat, Leau 1903], поскольку он может быть выражен в форме всех языков мира. Более простой, чем любой «естественный» язык, он состоит из частей языка, то есть сам является частью языка. В то же самое время он сам может передавать значения любого языка, за пределы которого выходит. Он представляет скорее целое, нежели часть, а также скорее внутренний, нежели внешний аспект человеческой речи.

В отличие от «классического» неогумбольдтианства, А. Вежбицка постулирует *общую основу* для описания всего разнообразия способов концептуализации мира при помощи всех существующих языков. Согласно ее концепции, любое понятие^[2], каким бы сложным или странным оно ни казалось, «закодированное» в лексической единице естественного языка, может быть представлено в виде определенной конфигурации *элементарных смыслов*, неразложимых и универсальных, в смыслах, в которых они лексически зафиксированы во всех языках. Это утверждение имеет двусторонний характер:

- любая семантически неразложимая единица должна быть универсальной;
- любая универсальная единица (т. е. единица, представленная в лексике любого из существующих языков) считается семантически неразложимой.

Таким образом, существует связь между неразложимым и универсальным: любое семантически неэлементарное (т. е. неуниверсальное) понятие может быть представлено в виде определенной конфигурации элементарных смыслов (или семантически элементарных и универсальных концептов).

Количество семантических универсалий, называемых «семантическими примитивами», в значительной степени варьируется в работах А. Вежбицкой (на разных этапах исследования данное число варьируется в пределах от 15 до 60), однако основной принцип остается неизменным: объяснение всякого «лингвистически специфического понятия» состоит в его *переводе* на естественный семантический метаязык, лексика которого представляет собой набор универсальных семантических элементов. Данные элементы приводятся в движение в рамках великой комбинаторики, древнейшие исследования которой восходят к идеям каталонского теолога Раймунда Луллия (1235—1315) с претензией на универсальный характер, которые Дж. Свифт с насаждением высмеивает в третьей книге «Путешествий Гулливера».

Сущность работы А. Вежбицкой состоит в уточнении, а точнее в *открытии*, метаязыка для описания значений всех естественных языков. В своей книге 1980 года^[3] первый этап ре-

шения данной задачи она называет фазой *ментального языка* (*lingua mentalis*). Затем, незаметно для остальных, конечная цель меняется: А. Вежбицка перестает рассуждать о наборе отдельных слов и вводит понятие *истинного языка*, обладающего не только лексикой, но также и синтаксисом.

Необходимо особо подчеркнуть два важных момента:

1) Семантический метаязык должен сам представлять собой *естественный язык*, точнее, часть естественного языка. Данный принцип А. Вежбицка называет *принципом естественности*. В отличие от языка деревьев или семантических сетей (как в модели «смысл ↔ текст» И. Мельчука), языка семантических маркеров [Katz, Fodor] или языка интенциональной логики Монтею, семантический язык А. Вежбицкой создан в рамках существующего языка. Если в логике разрешается использование символов, поскольку значение данных символов определяется аксиоматично, значение слов семантического языка, напротив, должно быть *понятно само по себе*, а не только носителям конкретного языка.

2) Один и тот же семантический язык должен служить для описания как лексических значений, так и грамматических и прагматических (т. е. иллокутивных) значений.

Последний пункт особенно важен. Для А. Вежбицкой не существует чисто грамматического значения, а существуют лишь конкретные значения, которые имеют грамматически обязательную черту. Из этого следует, что грамматические и лексические значения взаимозаменямы: то, что в одном языке является лексическим значением, в другом может быть передано лишь с помощью грамматических средств.

Данный принцип единства семантического метаязыка распространяется и на иллокутивные значения. Так, глаголы *спрашивать* и *приказывать* являются лексическими единицами, тогда как вопрос и приказание являются иллокутивными актами. Однако значение данных языковых единиц состоит из *одних и тех же элементов*. Например:

– элемент (или «составляющая») «я хочу» (I WANT) входит в семантику императива, а также в описание слов со значением просьбы и приказа;

– элемент (или «составляющая») «я знаю» (I KNOW) играет важную роль в толковании декларативной и вопросительной модальностей, а также в толковании лексем со значением «информировать», «спрашивать».

Семантическая концепция А. Вежбицкой очень близка концепции московской семантической школы (А. Жолковский, И. Мельчук, Ю. Апресян). Однако концепция упомянутой школы не предполагает перевод семантических примитивов с одного языка на другой, тогда как, согласно концепции А. Вежбицкой, семантический метаязык является абсолютно универсальным.

При этом основное различие состоит в том, что для московских специалистов набор семантических примитивов спонтанно представляется в качестве набора истолковывающих составляющих, которые повторяются, тогда как в концепции А. Вежбицкой семантический метаязык является результатом тщательной обработки, которая, как она утверждает, представляет собой *эмпирический процесс*: примитивы, по ее мнению, не создаются и не изобретаются, их необходимо обнаружить. Они существуют до начала исследовательской работы ученого в ожидании того момента, когда будут обнаружены, словно грибы в лесу. Не существует *реализации смысла*, потому что смысл задан с самого начала.

Гипотеза (или скорее неоднократно повторяемое утверждение) существования универсального естественного семантического метаязыка состоит в возможности обнаружения определенного набора слов в определенном языке (например, в английском), которые будут удовлетворять следующим условиям:

1) эти слова сами являются семантически неразложимыми (в соответствии со значением слова «примитив» в английском языке), однако при помощи этих слов можно *разложить на составляющие* другие слова того же языка;

2) эти слова имеют аналоги во всех других языках, и во всех языках слово, входящее в набор этих аналогов, может играть роль семантического примитива данного языка.

Существует два критерия, по которым можно узнать, может ли слово быть включено в группу семантических примитивов, и по которым можно определить, является ли данное слово частью естественного семантического метаязыка:

1) внутренняя семантическая простота, или «самодостаточность для понимания»: слово должно быть *понятным само по себе*. А. Вежбицка настаивает на том, что сложность или невозможность найти для данного слова адекватное толкование не является доказательством того, что слово является примитивом: можно доказать, что слово разложимо, но нельзя доказать обратное;

2) переводимость на другие языки, что является гарантией универсальности естественного семантического метаязыка и в то же время хорошим аргументом в пользу того, что слово является семантическим примитивом.

Так, А. Вежбицка ставит под сомнение толкование глагола *существовать* в Грамматике Пор-Рояля, где данный глагол помещен в «группу слов, значения которых настолько ясны, что нет никакой необходимости их объяснять». А. Вежбицка, в свою очередь, утверждает, что поскольку данный глагол существует не во всех языках, он не является примитивом. Она предлагает заменить его выражением THERE IS (есть, имеется), которое, как она утверждает, существует во всех языках.

Эмпирический принцип А. Вежбицкой проявляется в ее терминологии: она пытается найти своих «кандидатов» на роль примитивов. Так, определенные слова (или скорее «концепты») были бы «хорошими кандидатами» по причине своей переводимости, как, например, глаголы SEE, HEAR, которые, согласно мнению автора, присутствуют во всех языках. Тот факт, что данное утверждение не поддается проверке, не принимается автором в расчет.

Тот же самый принцип, представленный в качестве эмпирического, позволяет ей определиться с выбором «кандидатов», осуществляемым во имя психологии очевидного: цель состоит в том, чтобы найти слова, которые были бы «сами по себе понятны» и наиболее переводимы на другие языки. Таким образом, по мнению А. Вежбицкой, из пары слов можно всегда выбрать то слово, которое более понятно, то есть то, которое является более конкретным. Именно поэтому слово *мужчина* является более понятным, чем слово *одушевленный*, местоимение *это* — более понятно, чем *действие*,

X became Y = (a) at some time X was not Y (b) after that something happened to X (c) after that X was Y (d) I say this after that time.	X became Y = (a) в какой-то момент X не являлся Y (b) после этого что-то произошло с X (c) после этого X стал Y (d) я говорю это после того, как это произошло.
---	---

Однако самое интересное происходит, когда слово, которое ранее было разложимым, в более поздней версии становится примитивом. Например, глагол KNOW, который сначала интерпретировался при помощи выражения CAN SAY, становится примитивом, так же как и глагол MOVE, сначала интерпретировавшийся при помощи выражения CHANGE PLACE.

3. Что является объектом исследования в работе А. Вежбицкой?

Я считаю, что успех — и крайняя степень неоднозначности — книг А. Вежбицкой в англо-саксонском мире и в России объясняется тем фактом, что ее концепция объединяет в себе две разные традиции, или два подхода, философские основания которых изначально кардинально отличаются друг от друга: англосаксонскую аналитическую философию и гегельянство в «восточной» интерпретации (теория формы, см. п. 3.1.2.).

Отказ А. Вежбицкой от разграничения синтаксиса и семантики — это лишь изолированное явление. Его основания имеют двоякую природу: оспаривание независимого характера синтаксиса в исследованиях Блумфилда, Хомского и Харриса 60-х гг. в США (посредством компонентного анализа и логического атомизма), с одной стороны, а с другой — отставание существования «неразрывной» связи между языком (речью) и мыслью в немецкой традиции гумбольдтианства, что легло на крайне благоприятную почву в России как до большевистской революции, так и в советскую, а затем и в постсоветскую эпоху. Столкновение этих двух

глагол *делать* — понятней, чем *агентив*, глагол *говорить* — понятней, чем *локатив*. Точно таким же образом слова, выражающие параметры объекта и ситуации, как, например, слова, выражающие *расстояние*, *величину*, *количества*, *качество* и т. д., передаются на универсальном естественном семантическом языке по своим крайним мерам: *большой/маленький*, но не *величина*, поскольку — «для сознания носителей языка» — идея параметра более сложна, чем крайние меры на шкале значений. При этом далее можно заметить, что понятия «контроля» и «владения», к помощи которых она постоянно прибегает, так и не были объяснены автором, несмотря на то, что данные понятия являются основой концепции А. Вежбицкой.

Приведем еще один пример использования метода эмпирического поиска «кандидатов», который иллюстрирует непрерывные изменения, вносимые в список А. Вежбицкой. Прежний примитив BECOME (в книге 1972 г.) в книге 1988 г. объясняется при помощи примитива HAPPEN:

философских течений, естественно, порождает определенное непонимание. А. Вежбицка одновременно играет на двух досках: с одной стороны — на универсализме логического атомизма, с другой — на релятивизме, или «культуранизме», неогумбольдтианства. При интерпретации ее исследований в современной России, по-видимому, преобладает традиция, упомянутая последней, включая смешение понятий «антропоцентризма» и «этноцентризма». В недавно вышедшей в России монографии по философии языка [Безлекин 2001: 6], обсуждая проблему антропоцентризма, автор приводит цитата из работы А. Вежбицкой: «Язык навязывает носителям определенную картину мира». При этом в упомянутой монографии ни разу не уточняется, идет ли в данном случае речь о дословном переводе немецкого понятия *Weltbild*, часто употреблявшегося в немецкой лингвистике 30-х гг. XX в., а затем и в послевоенные годы [см. Weisgerber 1939, 1950]. В рамках данного подхода основой антропологии является этнография: считается, что индивидуум может существовать не иначе как в составе этнической группы, которой он принадлежит, и исключительно благодаря ей.

3.1. Совершенный язык или язык ангелов?

Универсальный естественный семантический метаязык А. Вежбицкой, подобно языку ангелов в раю, является языком, знаки которого настолько прозрачны, что они «могут быть понятыми непосредственно и интуитивно»^[4]. Знаки этого языка указывают не на мир вещей, а на закрытый мир людей, заключенный в «картине

мира» с непреступными границами. И благодаря подобному движению взад и вперед между этими двумя несовместимыми позициями, задача поиска культурных отличий в семантике естественных языков решается методом от противного: при помощи прозрачного смысла, абсолютно доступного и недвусмысленного.

3.1.1. Идея всеобщности

По мнению А. Вежбицкой, ничто из того, что является лингвистикой, не может не являться частью семантики. Семантика всеобъемлюща, она не оставляет ничего вне своих рамок. «Семантика едина. Она включает в себя лексику, грамматику и иллокутивную структуру. Фундаментально важным является то, что мы можем определить ее принципиальное единство, а также то, что, независимо от части общей задачи, решаемой нами в каждый определенный момент, мы ни на миг не забываем о нашей основной цели — описании комплексной семантики естественных языков» [Wierzbicka 1998: 2—3].

3.1.2. В начале был Смысл

Основная идея А. Вежбицкой состоит в том, что всякая форма соответствует определенному смыслу. Следовательно, всякая грамматическая конструкция «кодирует» определенное значение, которое может быть «выделено» и строго установлено, чтобы значения различных конструкций могли быть «сопоставлены точным и ясным способом, как внутри языка, так и вне рамок, существующих между языками» [Wierzbicka 1998: 3]. Следствием этой основной идеи является положение, которое можно назвать оруэлловским: если в определенном языке нет слов (форм), с помощью которых можно выразить что-либо, то на данном языке об этом нельзя ни подумать, ни даже почувствовать это.

Понятие *произвольный* приобретает чрезвычайно негативную оценку: «Грамматика не является семантически произвольной. Напротив, грамматические различия мотивированы (в синхронистическом смысле) семантическими различиями; любая грамматическая конструкция представляет собой средство выражения определенной семантической конструкции, являющейся смыслом ее существования и критерием, определяющим ее употребление» [Там же].

Непримиримым следствием того факта, что все лингвистическое является семантикой, есть заключение о невозможности существования *исключения*, основанное на том, что ничто в языке не может не подчиняться правилам порядка и гармонии, основанным на смысле.

Существуют источники, на которые А. Вежбицка не ссылается, но которые тем не менее необходимы для понимания ее философской концепции. В первую очередь необходимо упомянуть Якобсона, который в своей статье о структуре русского глагола, опубликованной в 1932 г., говорит о том, что тот, кто — среди множества «случайных и частных употреблений» глагольных форм — знает, как распознать их «основное значение» (*Gesamtbedeutung*),

старается избегать поспешного формулирования правил, которые приводят к возникновению многочисленных исключений [Jakobson 1932 (1985:211—212)].

Второй источник еще более интересен, хотя он и игнорируется А. Вежбицкой, поскольку почти слово в слово соответствует ее положениям. Речь идет о Константине Аксакове (1817—1860), грамматисте-славянофиле и убежденном гегельянце, по мнению которого практически все сводится к правилу и в языке *не может существовать исключений*: «Зачастую мы можем обнаружить особый случай употребления глагола, который — в случае отсутствия должной глубины анализа — может представиться как исключение из правил; однако <...>, если понять подлинное значение этого глагола, мы обнаружим, что на самом деле данный случай полностью соответствует правилам употребления» (Аксаков 1855: 17)^[5].

Необходимо подчеркнуть следующее: в силу того что А. Вежбицка постоянно ссылается на философские языки, о которых мечтали теоретики «*Characteristica universalis*» в XVII—XVIII вв. и которые делают невозможным выражение ложной или нелогичной идеи (прежде всего в данном контексте стоит упомянуть Лейбница), она придает своему семантическому языку совершенно особую целесообразность, исключающую понятие *истинности*. Вместо того чтобы создавать язык для адекватного описания мира, она пытается найти язык для выражения смысла, заключенного в самих языках. В самом деле — не может существовать несоответствия между словом и референтом за неимением последнего. В теории, согласно которой возможно знать лишь знание, а не то, что нужно знать, неизбежно топтание на одном месте. «Независимый синтаксис не способен учитывать различий в значениях, и он и не пытается это делать. Однако он даже не учитывает различий в дистрибуции, потому что дистрибуция зависит от значения. Семантический подход к синтаксису позволяет нам найти решение одновременно для двух проблем: он позволяет учитывать различия в дистрибуции; он предоставляет информацию о мире смыслов слепых и произвольных правил индивидов, а также об их мире смыслов слепых и произвольных исключений из этих правил; наконец, он позволяет нам понять, почему синтаксис имеет смысл» [Wierzbicka 1998: 7].

Примером, ярко иллюстрирующим практическое применение данного принципа, является употребление придаточных дополнительных конструкций в английском и чешском языках. Так, можно сказать

- (a1) Mary started TO work;
- (a2) Mary started working,
- но только
- (b1) Mary finished typING the letters;
- и нельзя сказать
- (b2) *Mary finished TO type the letters.

По мнению А. Вежбицкой, существование (a1) и (a2) объясняется возможностью контроля над действием, отсутствующей в случае (b): синтаксические варианты определяются именно глубинной синтаксической конструкцией (то есть «интенциональным значением»).

Точно так же она полностью отвергает идею о том, что выбор между придаточной дополнительной конструкцией и инфинитивом может иметь минимальную связь с такой формальной характеристикой, как кореферентность подлежащих, как это объясняется в учебниках по языку.

3.1.3. Каждый язык — это Большой Текст

Следствием обобщающей теории А. Вежбицкой является заключение о том, что язык, речь и дискурс являются равнообъемными. По причине полного соответствия между тем, что говорится и тем, что можно сказать на языке, между потенциалом и выражением, любой язык представляет собой гигантский текст, который сводится к своему «семантическому миру». Однако все, что нам известно об этом Тексте — это лишь небольшое количество примеров, взятых А. Вежбицкой из текстов ее любимых русских писателей, главным образом из работ двух поэтесс — Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, — творчество которых она считает репрезентативным с точки зрения представления русской лингвистической картины мира. Вот характерный пример подобного *типа* рассуждений: достаточно один раз согласиться (имплицитно) с тем, что определенный пример представляет собой матрицу для всех возможных результатов речевой деятельности внутри языка, чтобы найти в данном языке любой пример, убедительно доказывающий первоначальный тезис. В дискурсе А. Вежбицкой, функционирующем одновременно на основе аргументов авторитетных людей (на основе цитат философов и писателей) и принципа интуитивной очевидности, не остается места для примеров, доказывающих противоположное, не предполагается существование процедуры для их обнаружения. Речь идет об идее в высшей степени эссенциалистской, полностью противоположной эмпирическому предубеждению в отношении возможности проверки «кандидатов» на роль универсального семантического атома.

Как можно сказать что-нибудь новое, если всё уже сказано до коммуникативного акта как такового, раз весь смысл уже представлен в лексике и грамматике? Остается лишь бесконечно повторять один и тот же Большой Текст — совокупность всех возможных текстов, единственной матрицей которых является язык, что делает невозможной идею о том, что формирование смысла является результатом дискурсивных практик. Язык — это фильтр и энциклопедия, он, как у философов романтизма, является совокупностью представлений людей.

Находясь вне рамок альтернативы между *тезисом и физисом*, смысл у А. Вежбицкой не основан ни на природе, ни на условности. Он

одновременно является внутренней сущностью языка вообще и каждого языка в частности.

Необходимо сделать одно замечание относительно понятия «естественности»: может ли универсальный семантический быть естественным? Фактически, несмотря на внешнее впечатление, высказывания, произносимые на семантическом метаязыке, не являются высказываниями на естественном языке, поскольку они не могут отличаться от других высказываний и заменять их. Благодаря им язык освобождается от своей неоднозначности, все становится абсолютно эксплицитным, все новое определяется заранее предоставленными элементами и правилами их комбинирования. Семантический метаязык, таким образом, более не является «естественным», поскольку он выражает все имплицитное, отбирая из двусмысленного^[6]. Он является гигиеной мысли.

Мир А. Вежбицкой, полностью лишенный диалогизма, а также параметра социального взаимодействия, можно охарактеризовать как мир застывший и замороженный, как закрытый перечень культурных отображений, «лингвоспецифических ключевых понятий», как мир, в котором смысл является пленником. Кроме того, в нем также нет монологизма, поскольку за нас говорит язык. Как только означающее перестает быть независимым по отношению к означаемому, нельзя более говорить о существовании игры слов, поэзии, метафоры, оговорки или непонимания. Нельзя более говорить о существовании подлежащего, потому что больше нет ни высказывания, ни личной ответственности говорящего за свое высказывание, ни отображения сюжета в повествовании, ни конфликта, ни расхождений.

С помощью своей химеры о непосредственно значащем слове А. Вежбицка старается занять господствующее положение, представить себя единственным лингвистом, способным утолить нарциссическую боль, вызванную тем, что в языке есть что-то, чего мы не замечаем. По ее мнению, в языке нет недоступных нам закоулков, мы можем подвергнуть контролю все, что захотим, эксплицировать имплицитное, сделать запутанное понятным, — все это благодаря ее семантическому метаязыку, который мерит все на свой аршин, будь то Нагорная проповедь [Wierzbicka 2001] или «деревянный язык» польской Коммунистической партии. Эта старая мечта о надежном основании истинного смысла, лишенном проблем, связанных с произвольностью узуса и языковыми различиями, мечта об устраниении недосказанности и невыразимости несовместима с параметром не-целостности и несоответствия языка самому себе, который мы находим в работах А. Кульчи и Ж. Лакана, утверждающих: «Метаязыка не существует».

3.2. Психология народов

У А. Вежбицкой не найти каузальной гипотезы наподобие той, что мы находим в теории

климатических поясов: единственной реальностью является язык. Язык не допускает ничего, кроме одной вещи — самопознания. Но иногда он является ключом толкования, для того чтобы понимать и интерпретировать коллективное поведение или укрепить наиболее классические и неподдающиеся проверке клише о психологии людей.

Если, как говорят все неогумбольдтианцы начиная с 30-х гг. XX в., язык народа — это его мысль, а его мысль — это его язык, мы моментально сталкиваемся с хорошо известным парадоксом. Любое «лингвистическое сообщество» — пленик картины мира. «Картина мира» — это исчисляемая, закрытая, обособленная категория. Каждое языковое сообщество существует в рамках тотальной лингвистической автаркии без контакта с другими сообществами, без заимствований, без влияния. Эта полностью лишенная последовательности мысль является эссенциалистской мыслью *наподобие* платоновской, согласно которой смысл не имеет истории. Смысл, загнанный в рамки коллективной психологии, способен рассказать нам лишь об этой коллективной психологии, но не о мире.

В рамках подобного иренистского представления о языковом сообществе А. Вежбицка без устали работает над созданием антропологии, которая состоит в полном отказе от социологии в пользу унанимистской этнографии. В отличие от М. Пеше и П. Бурдье, она не задается вопросом о том, благодаря каким общественным и идеологическим процессам люди приходят к консенсусу в отношении значения слов. Согласно ее теории, не имеет места процесс согласования смысла слов, не имеет места процесс взаимодействия, не имеет места процесс общественного порождения смысла: смысл есть, и у него есть ключ от него. Остается неизвестным, каким образом у слов появляется смысл, но он есть и остается у слов, застыв в вечности. Именно благодаря этой *бесплотности* — о чём А. Вежбицка не подозревает — те, кого она называет *людьми* являются прежде всего *агенсами*, вовлечеными в отношения символической силы [см. Bourdieu 2001].

Образ языкового сообщества весьма прост: достаточно говорить на одном и том же языке, чтобы понимать друг друга. Этот постулат не опирается ни на какие доказательства; будучи обычной логической ошибкой, он зиждется на простой очевидности. Предположение о возможности непосредственного понимания влечет за собой идею о том, что не существует феноменов недоразумений или недопонимания внутри языкового сообщества, что прекрасно объясняется единством его «картины мира». Таким образом, можно говорить о мощнейшем редукционизме при объединении людей (например, «русских», «американцев») в стабильные и гомогенные языковые сообщества, в рамках которых невозможны споры в отношении смысла слов.

Согласно унанимистскому предположению, общество представляет собой неделимое сообщество, идентифицирующее себя исключительно в рамках собственного понимания лексической и грамматической семантики, свободное от разногласий в отношении смысла слов. Данный тезис напоминает о старой системе ценностей немецкого романтизма, широко распространенной в консервативном мышлении, весьма распространенной в советской и постсоветской России, а именно об идее, что *Gemeinschaft* (языковое сообщество) более истинно, более реально, более аутентично, нежели *Gesellschaft* (общество — механическое объединение людей). Именно поэтому имеет место определенная путаница между предметом антропологии и этнографии, а социология отодвинута на второй план.

Полное уподобление «культуры» языку (и литературе) основано на унанимистском допущении, которое никогда не было выражено ясно, а именно: *все люди, говорящие на одном и том же языке, мыслят одинаково*. Учитывая смелость данной гипотезы, можно было бы рассчитывать на то, что она будет подвергнута проверке посредством гипотетико-дедуктивного метода: необходимо проверить гипотезу в процессе проведения исследования, вместо того чтобы изначально представлять ее в качестве аксиомы, которая, в свою очередь, оказывает влияние на результаты исследования. При этом высок риск замкнутого круга, в конце которого невозможно то, что изначально предполагалось.

Данное следствие, в свою очередь, влечет за собой другие. Так, предполагается, что все люди, говорящие на французском языке, мыслят одинаково, имеют одну и ту же «наивную языковую картину мира», определяемую «культурной традицией», которая «сформирована в «обыденном» сознании определенного сообщества», демонстрирующую «национальный характер» языка. Воссоздание «языковой картины мира нации» или «культурной традиции» предполагает — хотя от этого и не говорится, — что франкоговорящие швейцарцы являются частью той же «нации», что и французы или валлоны, не говоря уже о франкоканадцах (при этом неизвестно, имеют ли в таком случае говорящие на диалекте корсиканцы ту же картину мира, что и «французы»), имеют тот же «менталитет» и поэтому отличаются от швейцарцев, говорящих на немецком. При этом интересно — меняется ли «менталитет» последних, когда они переходят с диалекта на литературный немецкий и обратно?

Другие трудности связаны с проблемой изобретательности. Если целостность значения изначально заложена в лексике и грамматике, то есть в языковых формах, как можно сказать что-либо новое? Возможен ли научный или философский труд, если он обречен на повторение значения, уже навязанного языком?

Путаница между понятиями и концептами относится к той же плоскости слов повседневной жизни и концептуальных средств философии. Если русские и французские «концепты» по-разному членят семантическое пространство, как можно объяснить то, что философские школы могут спорить друг с другом, при этом говоря на одном и том же языке? Борьба между материализмом и идеализмом в истории русской философии всегда была предельно жесткой, однако она всегда велась на одном и том же языке. Если бы исследование концептов определялось исключительно языком исследования, философия как наука была бы невозможна.

3.3. Ориенталистский миф:

антропологическая полярность

Часто за научной риторикой и сложным техническим и критическим аппаратом эксплицирного текста скрыт другой текст — латентный, бесконечно более ценный, поскольку он описывает рождение научного мифа. Этот миф, который у А. Вежбицкой представлен в форме вечного противопоставления Востока Западу, скрывает в себе другой миф, еще более основательно запрятанный в представлениях архетипах, раскрыть который было бы небезынтересно.

Благодаря научному инструментарию, повсюду обнаруживаются мифические основания. Фантастический тезис, который П. Бурдье выявляет в «теории климатических поясов» Монтецкие (северяне активны и мужественны, южане — пассивны и «женоподобны» [Bourdieu 2001: 335]), перенесен А. Вежбицкой на противопоставление Восток/Запад. Ось координат, таким образом, поворачивается на 90°, но термины противопоставления остаются прежними: мир базируется на отношении двух элементов, мужского и женского, которое проявляется в противопоставлении «агентивности» и «пациентности». Вежбицка испытывает слабость в отношении понятия «контроль» — метатермина, довольно регулярно встречаемого в большей части ее исследований и ассоциируемого с понятием агентивности, и, конечно, в отношении понятия «отсутствия контроля» (которое в естественном семантическом метаязыке выражено структурой «*not because I want it*»).

«Данные синтаксической типологии показывают, что существует два жизненных подхода, которые играют разные роли в разных языках: ориентация на ‘то, что я делаю’, так сказать, агентивное отношение, а также ориентация на ‘то, что со мной происходит’, то есть пациентивное или пассивное отношение, характеризующее объект воздействия. Агентивный подход представляет собой особый случай каузатива (см. Балли 1920), и указывает на ярко выраженное внимание по отношению к действию или акту волеизъявления (‘я делаю’, ‘я хочу’). При пациентивном отношении, которое, в свою очередь, является особым случаем феноменологической направленности, акцент переносит-

ся на осознание собственного бессилия и на пациентивность (‘я ничего не могу сделать’, ‘со мной происходят различные вещи’).

Для выражения агентивности характерно употребление номинативных и номинативоподобных конструкций, тогда как для выражения чувства собственного бессилия и пациентивности — употребление дативных и дативоподобных конструкций. Агентивность и пациентивность находятся в неравном положении: активность представлена во всех языках, но не во всех языках — осознание собственного бессилия. При этом языки значительно различаются в плане значения ощущения бессилия. В определенных языках оно не принимается в расчет, агентивный тип предложения в данных языках принимается за модель всех или большинства высказываний о людях: номинативный тип, основанный на агентивной модели, и дативный тип, в котором люди представлены *неспособными управлять событиями*. (выделения автора, П. Серио) [Wierzbicka 1992 (1996: 55—56)].

Подобно тому, как Ш. Балли противопоставляет французский язык немецкому как язык разума языку чувства [Bally 1994: 359], А. Вежбицка обнаруживает свою пару языков, ниспосланную провидением и представляющую собой идеальную пару для ее теории — английский и русский. Очень быстро данная пара языков превращается в пару двух народов: «американцев» и «русских».

Поскольку в английском говорят *he succeeded*, а в русском говорят *ему это удалось*, А. Вежбицка заключает, что «...Английская номинативная конструкция возлагает ответственность за успех или провал предприятия на того человека, который его предпринимает, тогда как дативная конструкция русского языка полностью освобождает человека от любого вида ответственности за конечный результат: что бы ни произошло — что-либо хорошее или что-либо плохое — это не является результатом наших собственных действий» [Wierzbicka 1992 (1996: 72)]. Еще она добавляет, что примеры подобного типа позволяют подвести «хороший итог описанию различий в этнофилософиях, отражаемых данными языками» [Там же: 73], поскольку грамматика русского языка изобилует конструкциями, в которых реальный мир представлен в виде мира «противоречащего желаниям и устремлениям человека или, по крайней мере, не зависимого от этих желаний и устремлений, тогда как английский язык этого почти не делает» [Там же]. Именно дативные конструкции в русском языке (в безличных предложениях) раскрывают «особую направленность семантического мира русского языка и русской культуры» [Там же: 75].

«Объяснение значения показывает, что предложения такого типа являются неагентивными: загадочные и непонятные события происходят без нашего участия, не потому, что кто-то этого хочет, а те события, которые происходят с на-

ми, не зависят от нашего желания. При агентивном подходе, напротив, не происходит ничего таинственного: кто-либо что-нибудь делает, и по этой причине происходят события, поэтому все понятно. Загадочные и непонятные события — это события, которые происходят в результате действий загадочных сил природы. В русском языке предложения, построенные по агентивной модели, имеют более ограниченную сферу применения, нежели в других европейских языках (особенно в английском). Язык отражает и мотивирует тенденцию изображать мир в виде совокупности не поддающихся контролю и пониманию событий — тенденцию, доминирующую в русской культуре. Данные события имеют скорее негативные последствия, нежели позитивные [Там же: 76].

Возникает вопрос о том, необходимо ли было применять столь сложный критический инструментарий лишь для того, чтобы воспроизвести несколько старых клише о понятиях активности и пассивности. Идею о том, что неактивные, или эргативные конструкции соответствуют мышлению «пассивного» типа, можно найти в работах К. Уленбека (1866—1951) [см. Sapir 1917], который говорит, что люди, говорящие на языках с эргативной конструкцией, считают человека лишь пассивным орудием в руках божественной силы. Данный тип мышления соответствует религиозному фатализму «отсталых» народов, ощущению всеобщего бессилия человека перед тотемом или природой (народы Кавказа, индейцы Северной Америки и т. д.), в отличие от мышления людей, говорящих на индоевропейских языках, «активная» конструкция которых определяется тем, что субъект всегда представлен именительным падежом.

Закончится ли когда-нибудь дискурс о «славянской душе»? Интересно, являются ли «новые русские», которые катаются на лыжах в Куршевеле, или олигархи, которые инвестируют в нефть, пассивными или «пациентивными» по отношению к жизни? Если из разговоров на террасе кафе мы узнаем, что все шотландцы скучны, а все корсиканцы ленивы, — прекратим ли мы когда-нибудь использовать лингвистику в качестве доказательства для наших фантазий, которые на самом деле должны быть предметом изучения психоанализа?

Заключение

Как и в XVI в., ностальгия по единству порождает мечту о восстановлении единого языка (в данном случае — универсального естественного семантического метаязыка) [см. Dubois 1970]. Но как и в век романтизма, очарование различий (а не разнообразия) языков заставляет создать науку, которую можно назвать частной, детерминированной, лингвистически ограниченной. Тридцать лет работы А. Вежбицкой позволяют нам в одном эклектическом и непоследовательном труде проследить историю лингвистических фантазий нескольких веков.

Оксюморон, противоречие, эклектизм или недоразумение, — данный труд ставит перед нами вопросы своим страстным неприятием зияющего разлома, свойственного человеческому языку, своим стремлением к совершенству и единству. Возможно, в этом и кроется очарование гуманитарных наук, которые своими фантазиями открывают нам больше о человеческой природе, чем своим научным дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

Безлепкин Н. И. Философия языка в России. — СПб.: Изд. СПбГУ, 2001.

Bally Charles. *Linguistique générale et linguistique française*. 2e éd. — Berne: Francke, 1994.

Borel Marie-Jeanne. Schématisation discursive et énonciation // *Travaux du Centre de Recherches Sémiologiques de Neuchâtel*. 1975. № 23.

Bourdieu Pierre. La rhétorique de la scientifcité // *Langage et pouvoir symbolique*. — Paris: Seuil, 2001. P. 331—342.

Certeau, de M. Le parler angélique. Figures pour une politique de la langue // : *La linguistique fantastique* / S. Auroux (éd.). — Paris: Denoël, 1985.

Couturat L.; Leau L. *Histoire de la langue universelle*. — Paris: Hachette, 1903.

Dubois Claude-Gilbert. *Mythe et langage au XVIème siècle*. — Bordeaux: Ducros, 1970.

Jakobson R. Zum Struktur der russischen Verbums // *Charisteria Gvilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis...* — 1932. P. 74—84 (перевод: «О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985»).

Katz J. J., Fodor J. A. *The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language*. — Englewood Cliffs N.J.: Prentice-Hall.

Sapir Edward. Review of C. C. Uhlenbeck: Het passive karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noordamerika // *International Journal of American Linguistics*. 1917. № 1. P 82—86.

Sériot P. Une identité déchirée: K. S. Aksakov, linguiste slavophile ou hégrélien? // P. Sériot (éd.): *Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana*, août 2003. — Bern: Peter Lang. P. 269—292.

Weisgerber L. Die volkhaften Kräfte der Muttersprache // *Beiträge zum neuen Deutschunterricht*. Herausgegeben von Ministerialrat Dr. Huhnhäuser, Frankfurt am Main: Diesterweg. 1939. № 1.

Weisgerber L. *Vom Weltbild der deutschen Sprache*. — Düsseldorf: Schwann, 1950.

Wierzbicka A. 1972. *Semantic Primitives*. — Frankfurt a/Main: Athenaeum; trad. fr: *Les primitifs sémantiques*. — Paris: Larousse, 1993.

Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language*. — Sydney; N. Y.: Academic Press, 1980.

Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. — Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1988.

Wierzbicka A. Dusha (=Soul), Toska (=Yearning), Sud'ba (=Fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Zygmunt Saloni (ed.): *Metody*

formalne w opisie jezykow slowianskich. — Bialystok: Bialystok University Press, 1990. P. 13—36.

Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics : the Semantics of Human Interaction*, Berlin - New-York : De Gruyter, 1991.

Wierzbicka A. The Russian Language // A. Wierzbicka. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. — N. Y.: Oxford University Press, 1992. Chap. 12, p. 395—441 (перевод: «Русский язык // А. Вежбицка. Язык, Культура, Познание. — М.: Русские словари, 1996»).

Wierzbicka A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese*. N. Y.: Oxford University Press, 1997.

Wierzbicka A. *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. — Oxford: Oxford University Press, 2001.

Wittgenstein L. *Tractatus logico-philosophicus*, 1921. Trad. fr. — Paris: Gallimard, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Этот тезис постоянно повторяется в трудах А. Вежбицкой. См., напр., [Wierzbicka 1988].

[2]. А. Вежбицка всегда использует в своих текстах на английском языке слово ‘concept’ (концепт), не делая различия между *понятиями* и *концептами*.

[3]. Необходимо заметить, что использование А. Вежбицкой терминологии Гийома д’Оккама связано с обычным недоразумением. Для д’Оккама значение терминов естественного языка (разговорного и письменного) абсолютно условно и может меняться (то, что по-английски обозначается словом «dog», на латыни обозначается словом «canis»). Значение терминов (или концептов) «ментального языка», согласно идеи д’Оккама, напротив, определяется природой раз и навсегда. Концепты «естественным образом имеют значения», поскольку они являются концептами. Данное «естественное значение» представляет собой своего рода картину мира, основанную на том факте, что концепты определенным «естественному образом похожи» на свои объекты.

[4]. Здесь подразумевается «говорение на языке ангелов» и «бibleйская лингвистика» вообще, ср. [de Certeau 1985].

[5]. О статусе правила и исключения у Аксакова — лингвиста-гегельянца, см. [Sério 2003].

[6]. См. по этому вопросу: [Borel 1975: 10].

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии А. П. Чудинов и Э. В. Будаев